

УДК 821.112.2.0
ББК 83.3(4Гем)

ДВЕ «МАРИЕНБАДСКИЕ ЭЛЕГИИ»: И.В. ГЁТЕ И В.Г. ЗЕБАЛЬД

© 2020 г. Л.Н. Полубояринова, О.Н. Кулишкина
*Санкт-Петербургский государственный универ-
ситет, Санкт-Петербург, Россия*
Дата поступления статьи: 19 января 2020 г.
Дата публикации: 25 сентября 2020 г.
DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-128-143>

Аннотация: В статье сопоставляются «Мариенбадская элегия» (1823) И.В. Гёте и поэтический текст с таким же названием, написанный в 1999 г. В.Г. Зебальдом. «Мариенбадская элегия» И.В. Гёте — прецедентный текст немецкой культуры, историко-литературная авторитетность которого дополнительно фундируется популярным биографическим мифом о влюбленности 73-летнего поэта в 19-летнюю Ульрику фон Леветцов. «Мариенбадская элегия» Зебальда, малоизученная на данный момент, на первый взгляд являет собой попытку деканонизации классического текста путем актуализации его референциальности (восстановления биографического контекста, связанного с пребыванием стареющего Гёте в Мариенбаде, его знакомства с семейством фон Леветцов и «материализации» реалий курортного города и «музейных» объектов, имеющих отношение к возникновению гётевского текста) и последовательного «выветривания» элегического пафоса. В то же время у Зебальда с очевидностью происходит «подстановка» на место гётевской элегичности собственного — меланхолического — пафоса, ориентированного на высоко ценимого им философа Франкфуртской школы Вальтера Беньямина.

Ключевые слова: И.В. Гёте, В.Г. Зебальд, В. Беньямин, «Мариенбадская элегия», топос курорта, фотопэтика.

Информация об авторах: Лариса Николаевна Полубояринова — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9174-1394>

E-mail: largolub@hotmail.com

Ольга Николаевна Кулишкина — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1627-735X>

E-mail: olgakulichkina@mail.ru

Для цитирования: Полубояринова Л.Н., Кулишкина О.Н. Две «Мариенбадские элегии»: И.В. Гёте и В.Г. Зебальд // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 3. С. 128–143.
DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-128-143>

TWO “MARIENBAD ELEGIES”: J.W. GOETHE AND W.G. SEBALD

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2020. L.N. Poluboyarinova, O.N. Kulishkina
*Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia*
Received: January 19, 2020
Date of publication: September 25, 2020

Abstract: The article compares J.W. Goethe’s “Marienbad Elegy” (1823) and a poetic text with the same title written in 1999 by W.G. Sebald. “Marienbad Elegy” by Goethe is a precedent text of German culture, its historical and literary authority being additionally supported by the popular biographical myth of the love of the 73-year-old poet to the 19-year-old Ulrike von Levetzow. On the one hand, Sebald’s own “Marienbad Elegy” is an attempt to decanonize the classical text by updating its references (restoration of the biographical context associated with the aging Goethe in Marienbad, his acquaintance with the von Levetzow’ family, and actualization of the realities of the spa town and the “museum” objects related to the occurrence of the Goethean text) and by consistently reducing the elegiac pathos of the original. On the other hand, as this article demonstrates, Sebald puts in place of Goethe’s elegiac tune his own — melancholic — pathos inherited from a philosopher of the Frankfurt school Walter Benjamin whom he greatly appreciated.

Keywords: J.W. Goethe, W.G. Sebald, W. Benjamin, “Marienbad Elegy,” topos of touristic resort, poetics of the photograph.

Information about authors: Larisa N. Poluboyarinova, DSc in Philology, Professor, Saint Petersburg State University, Universitetskaya embankment 7/9, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9174-1394>

E-mail: larpolub@hotmail.com

Olga N. Kulishkina, DSc in Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Universitetskaya embankment 7/9, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1627-735X>

E-mail: olgakulishkina@mail.ru

For citation: Poluboyarinova L.N., Kulishkina O.N. Two “Marienbad Elegies”: J.W. Goethe and W.G. Sebald. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 3, pp. 128–143. (In Russ.)
DOI: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-128-143>

«Мариенбадская элегия» („Marienbader Elegie“¹) Гёте — прецедентный текст немецкой лирики, на котором воспитывалось не одно поколение германистов. Неудивительно поэтому, что немецкий писатель Винфрид Георг Зебальд (Winfried Georg Sebald, 1944–2001) — автор, получивший классическое германистское образование и начинавший именно как литературовед-германист² — публикует в юбилейный гётевский год (1999) собственное стихотворение под таким же названием. Элегия Зебальда состоит, как и гётевская, из 23 строф-секстетов, и уже один этот факт можно расценить как приглашение к сопоставлению двух произведений, каковое, однако, за два десятилетия, прошедшие с момента опубликования зебальдовской элегии — в *Neue Züricher Zeitung* от 13 ноября 1999 г., — несмотря на растущую популярность этого автора (в частности и в особенности в англоязычном мире — см.: [15]), так и не было предпринято.

Причина исследовательского невнимания к данному тексту, как и к лирике Зебальда в целом, кроется в бытующем устойчивом мнении о скорее прикладном и вспомогательном статусе поэтического наследия автора, бывшего по преимуществу прозаиком. Стихотворения и поэмы Зебальда, изданные в 2008 г. в сборнике «По суше и по воде», чаще всего называют не более чем пробой пера, своеобразными «заготовками» к его гораздо более прославленной прозе [11, S. 71; 12, S. 105]. Данная оценка не лишена оснований: собственно, и «Мариенбадская элегия» некоторыми своими мотивами и деталями предвосхищает мариенбадский эпизод романа «Аустерлиц» („Austerlitz“, 2001) — самого знаменитого текста Зебальда, написанного

1 В гётеведении принято также именование «Элегия» — „Elegie“.

2 См. его сборник литературоведческих работ: [18].

годом позже. Тем не менее очевидный элемент вызова, присутствующий в самом жесте редубликации гётевского названия, не позволяет согласиться с исключительно прикладным, «черновиковым» статусом данного стихотворения.

Предпринимая попытку сопоставления двух «Элегий», хотелось бы обратить внимание на специфику зебальдовского прочтения текста Гёте, в котором явственно обозначаются особенности собственной поэтики современного немецкого автора. А потому начать необходимо с гётевского текста, являющего собой — при всей его записной каноничности и классичности — отдельную интерпретационную проблему.

Текст был написан в сентябре 1823 г. на пути из Мариенбада, где автор провел шесть недель летнего отдыха, домой в Веймар, и связан референциально — что известно доподлинно благодаря дневникам Гёте и авторским комментариям, данным первым читателям стихотворения Иоганну Петеру Эккерману, Вильгельму фон Гумбольдту и Карлу Фридриху Цельтеру — с эпизодом расставания 73-летнего автора с 19-летней Ульрикой фон Левецов. В последнюю Гёте был влюблен и даже делал ей (при посредничестве великого герцога Карла Августа) предложение, однако получил отказ [4; 13]. К Вильгельму фон Гумбольдту, которому Гёте как особую, предназначенную лишь для посвященных реликвию дает для прочтения единственный авторский список стихотворения, сделанный на дорогой бумаге, сшитой шелковой нитью и помещенной в сафьяновый переплет, восходит и первая интерпретация данного текста.

Гумбольдт, пребывавший осенью 1823 г. в Веймаре, делится в письмах к жене Каролине своими — необыкновенно глубокими и «восторженными» — впечатлениями от прочтения «Мариенбадской элегии». Как отмечает Гумбольдт, Гёте «превосходит» в этом стихотворении «лучшее из того, что было им написано», соединяя «свежесть фантазии» с «художественной законченностью», плодом «долговременного» поэтического опыта (цит. по: [20, S. 761]). Отдельно Гумбольдтом в цитируемом письме от 19 ноября 1823 г. была задана установка рассматривать данный текст как событие чисто поэтическое, при этом он специально подчеркивает, что стихотворение само по себе малореференциально, «мариенбадские переживания» (имеется в виду — любовные), «плодом» которых стал текст, прямо в нем никак не означены. Однако и значимость этих событий (отношений с Ульрикой) как

таковых — и в качестве источника данного конкретного текста, и в отношении биографии Гёте, — как считает Гумбольдт, в целом не стоит преувеличивать: «...то, что говорится о женитьбе и даже о влюбленности, частично просто неверно, частично должно быть правильно понято» [20, S. 762].

«В элегии, — как считает В. фон Гумбольдт, — не дано ничего другого, кроме хорошо узнаваемых и многократно воспетых чувств, испытываемых в ситуации близости возлюбленной и болезненности расставания с нею», эти чувства поданы однако «с подлинно гётевским своеобразием», а именно «в столь возвышенной, нежной, поистине небесной и одновременно трогательной в своей страстности манере»; при этом он отдельно отмечает, что ни фигура возлюбленной, прямо упоминаемая лишь в одной — седьмой — строфе как воздушный образ молодой красавицы, танцующей на балу, ни образ лирического субъекта (в частности, связанная с ним тема преклонного возраста) никак конкретно в тексте не означены. Его семиотика имеет, по Гумбольдту, иные скрепы, не референциально-биографические или топографические, но связанные с общим «настроением» мариенбадского пребывания и с «поэзией» как таковой [20, S. 762].

Указание на «поэзию как таковую» как на главную тему «Мариенбадской элегии» принципиально. Оно подразумевает преимущественное внимание к чисто литературной и поэтологической стороне текста, связанной с жанром элегии как песни-жалобы и с отсылками к многообразным претекстам (своим собственным: драмы «Тассо» и «Пандора», юношеские гимны — и чужим: Данте, текст пасхальной мессы, Мильтон). Однако акцент на литературности текста означает и радикальную постановку вопроса о поэтическом субъекте как ответственном индивидууме, приводящем художественными — именно и только художественными — средствами к гармонии мироздание и возводящем основания собственной идентичности к поэтической субстанции как таковой.

Внутренний драматизм данного текста, заданный его эпиграфом, с одной стороны, и его заключительной строфой, с другой, долгое время оставался приглушенным, невыявленным. Напомним, эпиграф — это несколько видоизмененные строки из гётевского «Торквато Тассо»: «Там, где немеет в муках человек, // Мне дал господь поведать, как я стражду»³

3 Und wenn der Mensch in seiner Qual verstummt
Gab mir ein Gott zu sagen, was ich leide [7, S. 381].

[1, с. 444]. «Мне» — значит поэту. Задаваемое эпитафией ожидание разрешения страдания (в частности, душевных мук, связанных с расставанием с возлюбленной) в элементе поэтического слова как бы проводится через несколько стадий «проверки» в первой трети текста (строфы со второй по восьмую), но всякий раз с отрицательным результатом. Шестистрошные строфы-стансы, обладающие относительной автономностью и законченностью, чисто ритмически, по наблюдению Э. Трунца [20, S. 762–763], производят впечатление поднимающихся и к концу строфы отступающих волн. Окончательным — отрицательным — вердиктом относительно потенции поэтического слова и поэтического субъекта выступает при этом заключительная строфа:

А мной — весь мир, я сам собой утрачен,
Богов любимцем был я с детских лет,
Мне был ларец Пандоры предназначен,
Где много благ, стократно больше бед.
Я счастлив был, с прекрасной обрученный,
Отвергнут ею — гибну, обреченный⁴.

(Пер. В. Левика)

«Ни в одном другом тексте немецкой литературы не выражена с подобной точностью и подобным драматизмом та опасность, которой подвергается эстетически продуктивный субъект как средоточие культурно релевантных идентификационных процессов эпохи Гёте <...>. Преобразование Жизни в Поэзию оказывается невозможным <...>. Таким образом, “Элегия” дезавуирует веру во власть поэзии, зиждительную для мира и отдельной личностной идентичности» [21, S. 486]. Приводя данный вывод из наиболее актуальной на настоящей момент интерпретации Бернда Витте (в согласии с которой находятся и другие позднейшие толкования этого стихотворения — Марианны Вюнш [22] и Матиаса Майера [10]), мы усматриваем

4 Mir ist das All, ich bin mir selbst verloren,
Der ich noch erst der Götter Liebling war;
Sie prüften mich, verliehen mich Pandoren,
So reich an Gütern, reicher an Gefahr;
Sie drängten mich zum gabeselligen Munde,
Sie trennen mich, und richten mich zu Grunde [7, S. 385].

в нем достаточно последовательную реализацию посыла Вильгельма фон Гумбольдта, и это новейшее состояние дел.

Однако данный посыл — читать «Мариенбадскую элегию» как стихотворение о поэте и поэзии и о (не)возможности последней «победить» душевную боль и саму смерть — был лишь отчасти и не в должном объеме воспринят более ранними интерпретаторами данного текста, авторитет которых был значим еще и во второй половине XX в. В противоположность импульсу Гумбольдта, в академической и университетской практике, к которой в том числе имел отношение и В.Г. Зебальд — в 1960-е гг. студент-германист Фрайбургского университета, — задавали тон мифологизирующие интерпретации «Элегии», основанные на авторитетных толкованиях Фридриха Гундольфа, Макса Коммереля, Эмиля Штайгера и др. В рамках данных гармонизирующих интерпретаций вышеозначенный, по сути, неразрешенный драматизм и даже трагизм гётевского стихотворения (а именно его персонализированной поэтологической проблематики) подменялись якобы имеющим в конце стихотворения место синтезом, основанным на двух иллюзионистских допущениях. Во-первых, значимость биографического мифа, связанного с Ульрикой и всей Мариенбадской love story в серьезной мере преувеличивалась (вопреки рекомендации Гумбольдта). И, во-вторых, трагизм последней строфы нивелировался перемещением акцента на микроравновесия, присутствующие в предшествующих строфах, как, например, в отсылке к правде «настоящего» мгновения, в сравнении с прошлым и будущим, к гармонии космоса, врачующей силе природы, синтезирующей потенции зрелой поэтики и пр.⁵

В интерпретационной «амортизации» трагического финала «Элегии» сыграло свою роль и то обстоятельство, что Гёте, как бы желая смягчить нетипичное для него отсутствие поэтического «синтеза» в конце, начиная с пятого тома прижизненного собрания сочинений *Ausgabe letzter Hand* (1827), публикует это стихотворение не отдельно, как самостоятельный текст, а в составе так называемой «Трилогии страсти», причем «Элегия» стоит в середине этой подборки стихов, и неразрешенный диссонанс ее заключительной строфы снимается последним, третьим текстом с показа-

5 См., например: [8].

тельным названием «Умиротворение» („Aussöhnung“), который посвящен гармонизирующей власти музыки.

«Мариенбадская элегия» Зебальда продолжает ряд его поэтических и прозаических текстов, которые, в качестве «фикционализированных биографий великих людей» [11, S. 68], являют собой как бы промежуточные опыты между чисто литературоведческими сочинениями, такими, например, как статьи и эссе об австрийских писателях XIX–XX столетий [18], с одной стороны, и чисто фикциональным письмом, образчиком которого выступил «Аустерлиц», с другой. Прочими примерами подобных «промежуточных» текстов выступают очерки Зебальда о Стендале и Франце Кафке из сборника «Головокружение. Чувства» („Schwindel. Gefühle“, 1996), стихотворения «Эмиграция К» („K` s Auswanderung“, 1975) и «Летом 1836 года» („Im Sommer 1836“, 2002), соответственно, о Кафке и Шопене. Кафка как отдыхающий в Мариенбаде появляется также в стихотворении «Поэза-прошлый год» („Das vorvergangene Jahr“, 1990), в котором цитируется (парафразируясь), между прочим, гётевская «Мариенбадская элегия». См. у Зебальда:

Ist denn die Welt nicht übrig,
so fragtest du, ein grün Gelände
zieht sich` s nicht hin am Fluß
durch Busch und Matten? Die Ernte,
reift sie nicht? Schwebt
über den Felsenwänden
der heilige Schatten
nicht mehr? <...> [19, S. 66]⁶

В данном пассаже присутствуют прямые цитаты из шестой строфы «Мариенбадской элегии» Гёте:

- 6 А целый мир, он не остался нам ли,
спросила ты, зеленые просторы
разве не тянутся вдоль речки,
перехода в кусты, в альпийские луга?
Не золотятся нивы? Не веет
над скалами священной тени отблеск? (Пер. наш. — Л.П., О.К.)

Ist denn die Welt nicht übrig? Felsenwände,
 Sind sie nicht mehr gekrönt von heiligen Schatten?
 Die Ernte, reift sie nicht? Ein grün Gelände,
 Zieht sich`s nicht hin am Fluß durch Busch und Matten?
 [7, S. 182]⁷

Интересно, что в данном случае, создавая бриколажно-палимпсестный текст о Мариенбаде (подробнее о данном тексте см.: [9]), Зебальд приводит развернутую цитату из гётевской элегии⁸, в то время как собственно в своей «Мариенбадской элегии» он, за одним небольшим исключением (см. сноску 14), обходится без цитат подобного рода. Текст Зебальда, по сути, реконструирует биографический контекст создания «Элегии» Гёте и тем самым как бы восполняет всю ту материальность и референциальность, отсутствие которой в гётевском тексте Гумбольдт считал благом и основанием его поэтичности.

Элегия Зебальда, начинающаяся со слов «Я представляю себе, как он...» („Ich kann mir vorstellen // wie er ...“ [19, S. 79]) являет собой в своей первой, большей части последовательное повествование (переходящее время от времени в несобственно-прямую речь) о заключительном дне пребывания Гёте в Мариенбаде. Отмечается «неустойчивое» и «расстроенное» душевное состояние поэта, связанное с его «страстью» к Ульрике, однако маркируется также и ощущение физического дискомфорта как эффект пожилого возраста, описывается его одежда (сюртук цвета корицы — „zimtbraune[r] Rock“ [19, S. 79]), его пространственное окружение в Мариенбаде (интерьер комнат, в которых обитает Гёте, вид из окна на Кёбельсбергский дворец и деревца перед ним, шарообразно постриженные — „Kugelbäumchen“ [19, S. 79]), его обеденное меню («чехи понимают толк в готовке» — „auf das Kochen verstehen // sich ja die Böhmen“ [19, S. 80]),

7 В пер. В. Левика:

Иль мир погас? Иль гордые утесы
 В лучах зари не золотятся боле?
 Не зреют нивы, не сверкают росы,
 Не вьется речка через лес и поле? [1, с. 445]

8 Данный пассаж со «встроенной» цитатой из Гёте дезориентировал Рут Франклин, английского интерпретатора поэзии Зебальда, которая не смогла логически связать его с началом стихотворения [5]. В том же 2012 г. выходит подробное исследование Петера Шмукера, в котором все цитаты были идентифицированы [14].

отъезд, связанный с отказом в руке дочери, полученным от матери Ульрики (здесь Зебальд следует традиционному, к моменту создания его текста уже устаревшему, биографическому мифу), после прощального поцелуя, подаренного ему возлюбленной.

Восемь последних строф — одна треть текста — описывают экспонаты городского музея, связанные с пребыванием Гёте в Мариенбаде и с его «Мариенбадской элегией»: факсимильное воспроизведение авторского списка текста вместе с сафьяновым переплетом, футляр для салфеток, принадлежавший Гёте, щипцы для снятия свечного нагара, кусок сургуча, коробочку из папье-маше, листок тюльпанового дерева с надписью на нем, сделанной рукой Ульрики, ее кружевной воротничок и манжеты, «такие узкие, что, по-видимому, ее запястья предположительно были тонкими, как у ребенка»⁹ и, наконец, гравюру на металле, сделанную по ее фотографии в преклонном возрасте с прической в виде «ужасных буклей» и с «призрачно белым лицом»¹⁰.

Специфику «полубиографических-полуфикциональных» текстов Зебальда подобного рода принято объяснять с привлечением одного интервью автора 1990 г., в котором он говорит о характерной трудности перехода от «научного» способа письма о литературе к письму самой этой литературы. Данный переход, по Зебальду, неизбежно проходит через стадию «мошенничества» („Form der Schummelei“ [16, S. 64]), когда репрезентация в тексте реальной биографической писательской фигуры становится средством выразить «свои собственные подсознательные мысли» [16, S. 64]¹¹. «Мариенбадская элегия» Зебальда и являет собой такой текст, в котором сквозь реконструируемую биографическую канву некой прецедентной личности — в данном случае Гёте — прорываются темы, интуиции и кон-

9 [Manschetten]
so eng, daß das Gelenk
ihrer Hand nicht viel
stärker gewesen sein kann
als das eines kleinen
Kindes. [19, S. 83]

10 <...> mit
einer schrecklichen Stopsel-
lockenfrisur & einem ge-
spenstisch weißen Gesicht [19, S. 83].

11 Ср.: „um hinter meine eigenen, von mir unerkannten Gedanken zu kommen“ [16, S. 64].

стелляции, которые «подсознательно» волнуют самого автора. Эти темы: меланхолия *postmemory*, «болезненные следы»¹² европейской истории, в частности, Холокоста (эта тема стоит в центре главного произведения Зебальда, романа «Аустерлиц»), метонимическая «каталогизация»¹³ зрительно воспринимаемых культурных объектов, реституция как восстановление исторической справедливости художественными средствами — только на первый взгляд не имеют ничего общего с гётевским — «архаично» и в чем-то наивно звучащим в конце XX в. — пафосом крушения веры поэтического субъекта во всемогущество поэзии и искусства. В известном смысле две меланхолии — Гёте и Зебальда, — если продлить их траектории, смыкаются. Но это — в самом большом плане.

На поверхности же наблюдаются существеннейшие отличия. Интонация написанных верлибром шестистрочных строф Зебальда, с бесконечными анжамбеманами, — скорее прозаическая, повествовательная. Они так же мало по своей стиховой организации напоминают гётевские стансы, как содержание элегии Зебальда отстоит от такового Гёте. Речь принципиально НЕ идет здесь о поэзии, к которой, как отдельно отмечает лирический субъект элегии Зебальда в 13-й строфе, он лично не питает никакой склонности:

Mir aber wollte es
nicht recht gefallen
dies herrliche Geflecht
verschlungerer Minnen¹⁴ [19, S. 81].

Артикулируемая неприязнь к «Мариенбадской элегии» как продукту «бурного движения страстей» и «самому зрелому плоду преклонного

12 „Schmerzesspuren in der Geschichte“ — «болезненные», «страдательные» или «болевы следы истории» — выражение, употребленное в романе Зебальда «Аустерлиц» [17, S. 24] и ставшее впоследствии топомосом в зебальдоведении.

13 О каталогизации как о «главном художественном приеме» Зебальда см.: [6, S. 11].

14 Мне, однако, было

оно не по душе,

великолепное сплетенье

переплетенных чувств (Пер. наш. — Л.П., О.К.)

В данном случае Зебальд вставляет в свой текст прямую цитату из четвертой строфы гётевской «Элегии» — „ein herrliches Geflecht verschlungerer Minnen“ [7, S. 382], делая это от противного: его лирическому герою претит эмоциональный комплекс, центральный для лирического героя Гёте.

возраста» выдает раздражение лирического субъекта не столько по отношению к непосредственно переживаемому тексту, сколько по отношению к расхожим интерпретационным клише, с ним связанным. Тем не менее и сам текст Гёте субъект Зебальда демонстративно НЕ воспринимает, и факсимиле элегии оставляет его равнодушным.

«Гораздо более затронули» [19, S. 82] его, по его собственному утверждению, предметы, выставленные в городском музее, которые он описывает с точностью и меланхолическим пафосом бодлеровско-беньяминовского старьевщика или собирателя. Беньяминовский или беньяминовско-бартовский «пунктум» [2] обозначен особенно в фантазматически подробном описании старческой фотографии Ульрики, которое важно в двойном смысле. Как, во-первых, единственно возможный «вход» в безвозвратно утраченное прошлое. Подобный «вход», гарантируемый фотографической медиальностью, точнее, закодированным в ней «оптически-бессознательным» [3, с. 113], был обозначен В. Беньямином следующим образом: «...зритель ощущает неудержимое влечение, принуждающее его искать в таком изображении мельчайшую искорку случая, здесь и сейчас, которым действительность словно прожгла характер изображения, найти то неприметное место, в котором в так-бытии той давно прошедшей минуты будущее продолжает таиться и сейчас, и притом так красноречиво, что мы, оглядываясь назад, можем его обнаружить» [3, с. 113]. И, во-вторых, как артикулированная при помощи технического медиума вариация на тему 16-й строфы гётевской элегии, в которой шла речь о ненастижимости как прошлого, так и будущего:

Das Gestrige ließ uns geringe Kunde,
Das Morgende, zu wissen ist `s verboten [7, S. 384]¹⁵.

Зебальд не любит Гёте, в фигуре которого ему претит элемент властного или даже репрессивного дискурса, неизбежно сопровождающего любой канон. Однако Зебальд любит Кафку и Беньямина, и, как поклонник и «последователь» Кафки и Беньямина, Зебальд за историческую реститу-

¹⁵ Ср. в переводе В. Левика:

От прошлого запомнится так мало,
Грядущего никто прозреть не может [1, с. 447].

цию, производимую эстетическими средствами. Поэтому Гёте, страдающий от старческой немощи и напоминающий в своей беспомощной телесности Грегора Замзу («Ночью он плохо // спит в своей узкой // постели, он казался себе // жуком...»¹⁶), и Гёте, отвергнутый самодостаточной Ульрикой (которой Зебальд в собственной «Элегии» как будто «мстит» за ее отказ поэту, намекая на серость и однообразие ее последующей долгой жизни в Требивлице), ассоциируется в его восприятии с теми самыми «страдательными следами истории», восстановить которые с целью «реституции» он сделал задачей своей этически мыслящей поэтики.

16 Die Nacht über hat er schlecht
geschlafen in seinem engen
Bett, wie ein Käfer kam
er sich vor <...> [19, S. 80].

Список литературы

- 1 *Гёте И.В.* Элегия / пер. В. Левика // *Гёте И.В.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. I. С. 444–448.
- 2 *Барт Р.* Camera lucida: комментарий к фотографии / пер. с фр. М.: Ad Marginem, 2011. 267 с.
- 3 *Беньямин В.* Краткая история фотографии // *Беньямин В.* Учение о подобии. Медиаэстетические произведения / пер. с нем. М.: РГГУ, 2012. С. 109–132.
- 4 *Behrens J.* Biographischer Hintergrund. Marienbad 1821–1823 // *Goethe J.W.* Elegie von Marienbad. Urschrift September 1823. Frankfurt a. M. und Leipzig, 1991. S. 87–100.
- 5 *Franklin R.* The Limits of Feeling Across the Land and the Water: Selected Poems, 1964–2001 // The New Republic. 2012. 12 July. URL: <https://newrepublic.com/article/104208/wg-sebald-iaian-galbraith-poetry> (дата обращения: 26.02.2020).
- 6 *Dittberger H.* Der Ausführlichste, oder: Der starke Hauch Patina: W.G. Sebalds Schreiben // *Sebald W.G.* Text und Kritik / hrsg. H.-L. Arnold. 2., aktualisierte Ausgabe. München: Ed. Text + Kritik im Richard-Boorberg-Verl, 2012. S. 6–14.
- 7 *Goethe J.W.* Elegie // *Goethe J.W.* Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. Bd. I. München: Beck, 1998. S. 381–385.
- 8 *Gundolf F.* Marienbader Elegie // *Gundolf F.* Goethe. Berlin: Georg Bondi, 1922. S. 707–714.
- 9 *Kulishkina O., Polubojarinova L.* Dr. S. s Badereisen: Der Kurorttopos in W.G. Sebalds Werk // Orbis Litterarum. 2019. Vol. 74. P. 340–364.
- 10 *Mayer M.* Dichten zwischen Paradies und H lle. Zur poetologischen Struktur der „Elegie“ von Marienbad // *Mayer M.* Natur und Reflexion. Studien zu Goethes Lyrik. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 2009. S.283–310.
- 11 *Meyer S.* Gedichte // W.G. Sebald-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung / hrsg. von C. Öhlschläger, M. Niehaus. Stuttgart: J.B. Metzler, 2017. S. 65–72.
- 12 *Meyer S.* Nachwort // *Sebald W.G.* Über das Land und das Wasser: Ausgewählte Gedichte 1964–2000. München: Hanser, 2008. S. 105–111.
- 13 *Michel Ch.* Geschichte des Textes // *Goethe J.W.* Elegie von Marienbad. Urschrift September 1823. Frankfurt a. M. und Leipzig: Insel.-Verl., 1991. S.101–116.
- 14 *Schmucker P.* Grenzüber tretungen: Intertextualität im Werk von W.G. Sebald. Berlin, Boston: Walter de Gruyter, 2012. 600 S.
- 15 *Schütte U.* Anglo-amerikanischer Raum // W.G. Sebald-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung / hrsg. von C. Öhlschläger, M. Niehaus. Stuttgart: J.B. Metzler, 2017. S. 305–308.
- 16 *Sebald W.G.* „Auf ungeheuer dünnem Eis“. Gespräche 1971 bis 2001 / hrsg. v. Th. Hoffmann. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2011. 288 S.
- 17 *Sebald W.G.* Austerlitz, 4. Aufl. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2008. 416 S.

- 18 *Sebald W.G.* Die Beschreibung des Unglücks: zur österreichischen Literatur von Stifter bis Handke. Salzburg: Residenz Verl., 1985. 199 S.
- 19 *Sebald W.G.* Über das Land und das Wasser. Ausgewählte Gedichte 1964–2001. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2008. 114 S.
- 20 *Trunz E.* Späte Lyrik. Kommentar // *Goethe J.W.* Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. Bd. 1. München: Beck, 1998. S. 737–779.
- 21 *Witte B.* „Trilogie der Leidenschaft“ // *Goethe-Handbuch*. In 4 Bd. Bd. 1. Gedichte / hrsg. von R. Otto und B. Witte. Stuttgart, Weimar: Metzler, 1996. S. 481–490.
- 22 *Wünsch M.* Zeichen – Bedeutung – Sinn. Zu den Problemen der späten Lyrik Goethes am Beispiel der „Trilogie der Leidenschaft“ // *Johann Wolfgang Goethe. Lyrik und Drama. Neue Wege der Forschung* / hg. v. B. Hammer und R. Nutt-Kofoth. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2007. S. 130–145.

References

- 1 Gete I.V. Elegiia [Elegy], transl. from German by V. Levik. In: Gete I.V. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols.]. Moscow, Hudozhestvennaia literatura Publ., 1975, vol. 1, pp. 444–448. (In Russ.)
- 2 Bart R. *Camera lucida: kommentarii k fotografii* [Camera lucida: Reflections on photography], transl. from French. Moscow, Ad Marginem Publ., 2011. 267 p. (In Russ.)
- 3 Ben'iamin V. Kratkaia istoriia fotografii [A brief history of photography]. In: Ben'iamin V. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniia* [The doctrine of likeness. Mediaesthetic works], transl. from German. Moscow, RSUH Publ., 2012, pp. 109–132. (In Russ.)
- 4 Behrens J. Biographischer Hintergrund. Marienbad 1821–1823. Goethe J.W. *Elegie von Marienbad. Urschrift September 1823*. Frankfurt a. M. und Leipzig, 1991. S. 87–100. (In German)
- 5 Franklin R. The Limits of Feeling Across the Land and the Water: Selected Poems, 1964–2001. *The New Republic*. 2012. 12 July. Available at: <https://newrepublic.com/article/104208/wg-sebald-iaian-galbraith-poetry> (Accessed 26 February 2020). (In English)
- 6 Dittberger H. Der Ausführlichste, oder: Der starke Hauch Patina: W.G. Sebalds Schreiben. *W.G. Sebald. Text und Kritik*, ed. H.-L. Arnold. 2nd, updated edition, München, Ed. Text + Kritik im Richard-Boorberg-Verl, 2012. S. 6–14. (In German)
- 7 Goethe J.W. Elegie. Goethe J.W. *Hamburger Ausgabe* in 14 Bänden. Bd. 1. München, Beck, 1998. S. 381–385. (In German)
- 8 Gundolf F. Marienbader Elegie. Gundolf F. *Goethe*. Berlin, Georg Bondi, 1922. S. 707–714. (In German)

- 9 Kulishkina O., Polubojarinova L. Dr. S.'s Badereisen: Der Kurorttopos in W.G. Sebalds
Werk. *Orbis Litterarum*, 2019. Vol. 74. S. 340–364. (In German)
- 10 Mayer M. Dichten zwischen Paradies und Hölle. Zur poetologischen Struktur der
„Elegie“ von Marienbad. Mayer M. *Natur und Reflexion. Studien zu Goethes Lyrik*.
Frankfurt a. M., Vittorio Klostermann, 2009. S. 283–310. (In German)
- 11 Meyer S. Gedichte. *W.G. Sebald-Handbuch: Leben – Werk – Wirkung*, hrsg. von
C. Öhlschläger, M. Niehaus. Stuttgart, J.B. Metzler, 2017. S. 65–72. (In German)
- 12 Meyer S. Nachwort. W.G. Sebald. *Über das Land und das Wasser: Ausgewählte Gedichte
1964–2000*. München, Hanser, 2008. S. 105–111. (In German)
- 13 Michel Ch. Geschichte des Textes. Goethe J.W. *Elegie von Marienbad. Urschrift
September 1823*. Frankfurt a. M. und Leipzig, Insel.-Verl., 1991. S. 101–116.
(In German)
- 14 Schmucker P. *Grenzübertretungen: Intertextualität im Werk von W.G. Sebald*.
Berlin, Boston, Walter de Gruyter, 2012. 600 S. (In German)
- 15 Schütte U. Anglo-amerikanischer Raum. *W.G. Sebald-Handbuch: Leben – Werk –
Wirkung*, hrsg. von C. Öhlschläger, M. Niehaus. Stuttgart, J.B. Metzler, 2017.
S. 305–308. (In German)
- 16 Sebald W.G. „Auf ungeheuer dünnem Eis“. *Gespräche 1971 bis 2001*, hrsg. v.
Th. Hoffmann. Frankfurt a. M., Fischer Taschenbuch Verlag, 2011. 288 S. (In German)
- 17 Sebald W.G. *Austerlitz*, 4. Aufl. Frankfurt a. M., Fischer Taschenbuch Verlag, 2008.
416 S. (In German)
- 18 Sebald W.G. *Die Beschreibung des Unglücks: zur österreichischen Literatur von Stifter bis
Handke*. Salzburg, Residenz Verl., 1985. 199 S. (In German)
- 19 Sebald W.G. *Über das Land und das Wasser. Ausgewählte Gedichte 1964–2001*. Frankfurt
a. M., Fischer Taschenbuch Verlag, 2008. 114 S. (In German)
- 20 Trunz E. Späte Lyrik. Kommentar. Goethe J.W. *Hamburger Ausgabe* in 14 Bänden. Bd. 1.
München, Beck, 1998. S. 737–779. (In German)
- 21 Witte B. „Trilogie der Leidenschaft“. *Goethe-Handbuch*. In 4 Bd. Bd. 1. Gedichte, hrsg.
von R. Otto und B. Witte. Stuttgart, Weimar, Metzler, 1996. S. 481–490. (In German)
- 22 Wünsch M. Zeichen – Bedeutung – Sinn. Zu den Problemen der späten Lyrik
Goethes am Beispiel der „Trilogie der Leidenschaft“. *Johann Wolfgang Goethe. Lyrik und
Drama. Neue Wege der Forschung*, hg. v. B. Hammer und R. Nutt-Kofoth. Darmstadt,
Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2007. S. 130–145. (In German)